

Идеология и нарративная экономика

Вольчик Вячеслав Витальевич

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: volchik@sfedu.ru

Цитирование: Вольчик В.В. (2024). Идеология и нарративная экономика. *Terra Economicus* 22(3), 21–33. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33

В статье рассматривается вопрос об идеологической составляющей экономической науки. Под идеологией понимаются общие ментальные модели, разделяемые группами индивидов. Эти модели служат для объяснения предполагаемых и реальных связей между средствами и результатами для проведения политики, направленной на преобразование общества. Нарративная экономика представляется научным направлением, позволяющим анализировать значимые теоретические нарративы, распространенные в рамках тех или иных школ экономической мысли. Концепт теоретического нарратива широко используется в дискуссиях между представителями мейнстрима и гетеродоксальных направлений. В научном дискурсе теоретический нарратив может принимать форму коллективного нарратива, отражающего социальные взаимодействия участников группы. Возникая в результате конкуренции индивидуальных нарративов, коллективные экономические нарративы оказывают влияние на понимание экономических процессов и на экономическую политику. Использование концепта коллективного нарратива логично подводит к исследованию идеологии и ее роли в экономической науке. Будучи связана с базовыми элементами экономического мышления, с теоретическими концепциями и когнитивными процессами, идеология воздействует на практические решения, касающиеся реальной экономики и экономической политики. Ключевое значение имеют группы индивидов (научные школы, политические организации) и их усилия по формированию предполагаемой или реальной связи между средствами и результатами этой политики. Критическая оценка той или иной идеологии в плане ее воздействия на экономическую политику и развитие соответствующих институтов с учетом национальной специфики подразумевает учет того, какие теории и в какой степени подвержены влиянию этой идеологии.

Ключевые слова: нарративная экономика; идеология; ментальная модель; институциональная экономика; теоретический нарратив

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Ideology and narrative economics

Vyacheslav Volchik

Southern Federal University, Rostov-na-Donu, Russia, e-mail: volchik@sfedu.ru

Citation: Volchik V. (2024). Ideology and narrative economics. *Terra Economicus* 22(3), 21–33 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33

This article discusses the connection between ideology and economic theories. Adopted from Douglas North, ideologies are understood as shared frameworks of mental models that groups of individuals apply to interpret the environment and to prescript as to how that environment should be ordered. These models serve to explain the supposed and real connection between the means and the results for implementing policies aimed at transforming society. Narrative economics provides a fruitful approach to analyze meaningful theoretical narratives shared by the academicians belonging to various schools of economic thought. The concept of theoretical narrative is widely used in discussions between the mainstream and heterodox economists. In academic discourse, a theoretical narrative might appear as a collective narrative reflecting social interactions between individuals and their groups. Emerging as a result of the competition between individual narratives, collective economic narratives affect the understanding of economic processes and economic policy. The concept of a collective narrative underpins the study of ideology and its role for economic theories. Being associated with the basic elements of economic thinking, theoretical concepts, and cognitive models, ideology influences both real economic decisions and economic policy. A crucial role is played by social groups (namely, the schools of economic thought, political organizations, etc.) in their endeavor to contribute to the connection between the means and outcomes of related policy. A critical assessment of ideologies in terms of their contribution to economic policies and institutional evolution implies identifying which theories and to what extent are exposed to a particular ideology.

Keywords: narrative economics; ideology; mental model; institutional economics; theoretical narrative

Funding: This work was supported by the grant of Russian Science Foundation № 24-18-00665, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/>, “Ideological landscape of Russian economic science”, at Southern Federal University

JEL codes: B52, Z13, B41

Введение

В научной среде получил повсеместное распространение простой нарратив, который можно свести к утверждению: «это идеология, а не наука». Однако провести разделение между идеологией и наукой, особенно в случае общественных наук, довольно сложно.

В научном сообществе бывает трудно находить консенсус относительно важных и системообразующих понятий. Это напрямую относится к идеологии. И если консенсус относительно того, что идеология наукой не является, среди представителей мейнстрима скорее присутствует, то относительно того, как трактовать идеологию и ее место в экономической науке, консенсуса нет.

В экономической науке видные ученые, намеренно или нет, выполняют роль идеологов, если принять за основу следующее определение: «идеология – это работа идеологов и политиков, тех, кто берет сложные идеи, устраняет двусмысленность и делает их пригодными для массового потребления» (Hoover, 2003: xi). В этом определении очень важным моментом является то, что массовое потребление упрощенных версий идей может приводить к тому, что они становятся совсем непохожими на свои сложные первоначальные версии.

В данной статье проблема идеологии в экономической науке рассматривается в контексте нарративной экономики. Идеологизированные научные концепты экономистов часто распространяются в сообществе ученых как теоретические нарративы. И такие теоретические нарративы несут в явной или неявной форме идеологическую составляющую.

Через нарративы в обществе транслируется восприятие окружающего мира. В свою очередь, теоретические нарративы экономистов содержат идеологизированное понимание социальной среды, заложенное в определенных ментальных моделях. Поэтому важно понимать, как формируются теоретические нарративы, как они связаны с идеологией и каково их влияние на экономическую политику.

Нарративная экономика и теоретические нарративы

Нарративная экономика довольно быстро прошла этапы эволюции от отрицания к принятию ее как перспективного научного направления. Однако до сих пор существует путаница в понимании нарратива экономистами. Наиболее часто экономисты анализируют частоту и степень распространения «вирусных» нарративов, влияющих на экономическое поведение и хозяйственные процессы. Такие преимущественно количественные подходы перспективны из-за своей технологичности и возможности использования больших массивов данных (Zheng et al., 2024; Aliu, 2024; Mazzotta, 2024).

Нарративный метод применяется и в качественных исследованиях экономистов (Вольчик, 2022). И хотя родоначальник нарративной экономики Роберт Шиллер неоднократно отмечал, что важным источником для анализа экономических нарративов могут быть фокусированные интервью и фокус-группы (Shiller, 2020), в настоящее время такие исследования составляют меньшинство среди работ в рамках данного научного направления.

Сам Р. Шиллер определяет центральное понятие нарративной экономики довольно широко: «Термином “нарратив” я обозначаю просто историю (*story*) или просто выраженное объяснение событий, которые многие люди хотят затронуть в разговоре, или в новостях, или в социальных медиа, потому что они (нарративы) могут использоваться для стимулирования заинтересованности или эмоций других людей, и/или потому что, как представляется, они развивают личный интерес. Чтобы выполнять стимулирующую функцию, обычно на него направлен интерес человека, прямой или подразумеваемый. Я (и многие другие) вкладываю в этот термин такой смысл, что нарратив видится как драгоценный камень разговора и может принимать форму необычной или героической истории или даже шутки» (Shiller, 2017: 968). Такое максимально общее определение позволяет рассматривать широкий круг текстов как содержащие нарративы (Вольчик, 2017).

В социальных науках существует точка зрения, что экономисты, прежде всего Роберт Шиллер и созданная им традиция «нарративной экономики», отождествляют нарративы и общественный дискурс (Roos and Reccius, 2024). В таком утверждении есть рациональное зерно. Понятие нарратива уже понятия общественного дискурса, и можно согласиться с утверждением В.Л. Тамбовцева: «Нарративы, очевидно, составляют практически неотъемлемую часть различных дискурсов...» (Тамбовцев, 2020: 18). Трактовка нарративов Р. Шиллером позволяет в предельном случае свести нарратив к удачной метафоре, шутке или мему, что способствует его распространению между профессионалами (в данном случае – у экономистов), а также среди широкой общественности. Распространение нарратива создает предпосылки для его влияния на экономическое поведение. И здесь становится актуальным другое определение нарратива Р. Шиллера, где акцент делается на мораль: «Термин “нарратив” часто понимается как “история”, некая последовательность событий. Однако слово это имеет и другой важный аспект. Нарратив – это рассказывание истории, которое придает ей смысл и значимость, зачастую направленное на то, чтобы преподать урок или извлечь мораль. Будучи сравним с историей, нарратив может стать интерпретацией происходящих событий. Если говорить о нарративах в сфере экономики, нарратив может представлять собой протоэкономическую модель, доступную для понимания широкой общественностью» (Shiller, 2019: 477).

В социальных науках нарратив может рассматриваться как комбинация теоретических и исторических составляющих: «Нарратив включает в себя структуры и причинные механизмы, которые в сочетании с историей (*history*) или фактами объясняют, как и почему событие произошло. Следовательно, тип тематического исследования (*case study*) является одновременно

историческим и теоретическим нарративом, интеграцией теории с событием. Следовательно, он дает возможность проверить, насколько хороша теория, и в то же время способствует ее обоснованию и расширению» (Lee, 2005: 105–106).

Поэтому в социальных науках встречается точка зрения, что нарратив может рассматриваться как модель, а модель получает распространение в научной среде и среди широкой общественности через протомодель, включенную в нарратив: «Традиционно дисциплины, ориентированные на человека (психология, антропология, экономика, лингвистика, семиотика, социология, медицина, социальная нейронаука и многие другие), характеризуют модели как нарративы. В нарративе описываются действующие лица и сущности, а также роли, которые они играют в событиях, и соответствующие свойства событий. Нарратив включает в себя понимание более широкого контекста и мотивов, обсуждений и намерений действующих лиц. Чем больше область связана с человеческими проблемами, тем больше нарративов также включают моральную точку зрения на события и идеологическое обрамление (*framing*)... Таким образом, нарратив объединяет совокупность, казалось бы, несвязанных фактов и эпизодов в последовательную структуру, в которой отношения между событиями и фактами, значимость событий, а также их моральные и этические рамки становятся явными» (Steels, 2022: 21–22). Именно объяснение в явной форме через нарративы тех или иных экономических явлений и событий представляет интерес для исследователя, который концентрирует свое внимание на отношениях между событиями, фактами и их интерпретациями.

Распространенные в рамках тех или иных научных школ концепты и модели, вследствие их широкой циркуляции в научном дискурсе, могут принимать форму лаконичных теоретических нарративов. В новой институциональной экономической теории можно привести пример нарратива, объясняющего существование фирмы в духе Р. Коуза: «Деятельность фирмы означает отказ от простых чисто рыночных взаимодействий ради экономии на трансакционных издержках, за счет гибких властных полномочий, позволяющих устранить неопределенность. Этот теоретический нарратив вдохновил экономистов на более детальное изучение организации фирм как взаимосвязи власти/иерархий и рынков» (de Vries, 2023: 179).

Использование концепта «теоретический нарратив» также присутствует в дискуссиях между представителями мейнстрима и гетеродоксальных направлений в экономической науке: «С неспособностью установить четкую теоретическую идентичность для гетеродоксальности, слишком заманчиво использовать левую идеологию как альтернативный клей, чтобы связать людей вместе. Но чтобы достичь этого, необходимо сфабриковать ложный теоретический нарратив, где неоклассическая экономика считается обязательно “правой”. Такое неправильное понимание неоклассической теории подрывает цель научного прогресса» (Hodgson, 2019: 160).

Самым известным и, скорее всего, наиболее влиятельным теоретическим нарративом в экономической науке стала «невидимая рука» А. Смита. Метафора «невидимой руки» используется Смитом в его основном труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» лишь единожды. Тем не менее эта метафора стала частью теоретического нарратива, воздействие которого огромно и связано прежде всего с простым и убедительным объяснением работы рыночного механизма. «Невидимая рука» рынка упоминается в книге А. Смита в таком контексте: «Но годовой доход любого общества всегда в точности равен меновой стоимости всего годового продукта его труда или, вернее, именно и представляет собой эту меновую стоимость. И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, а направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения.

Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» (Смит, 1962: 332). Влияние теоретического нарратива «невидимой руки» трудно переоценить, ведь именно благодаря ему при переходе к рынку в постсоциалистических странах формировалось широкое общественное мнение о преимуществе рынка над планом.

Достижения современных нейронаук показывают, что нарративы связаны с различного рода стимулированием деятельности человека, например, кооперативного поведения: «...нейротрансмиттер окситоцин, как было обнаружено, стимулирует социальное кооперативное поведение. Он также выделяется, когда люди подвергаются воздействию нарративов. Более того, степень просоциального экономического поведения, в котором люди готовы участвовать, увеличивается с ростом уровня окситоцина в крови» (Zak, 2015, цит. по: Roos and Reccius, 2024: 321). Поэтому, когда экономические протомодели «упаковываются» в форму теоретического нарратива, они гораздо лучше воспринимаются широкой аудиторией.

Развитие нарративной экономики приводит к появлению новых концептов и уточнению понятия нарратива. Совсем недавно М. Рус и М. Реккиус предложили оригинальную концепцию коллективных нарративов: «Мы проводим различие между коллективными нарративами и личными или частными, которые люди создают для себя самостоятельно, например, чтобы осмыслить свою собственную жизнь и создать личную идентичность... Коллективный экономический нарратив – это осмысленная история на какую-то экономически значимую тему, которая разделяется членами группы, возникает и распространяется в ходе социального взаимодействия» (Roos and Reccius, 2024: 313–314). Коллективные нарративы связаны с социальными процессами в экономике. Возникая в результате конкуренции индивидуальных нарративов, коллективные экономические нарративы оказывают значительное влияние на понимание экономических процессов и на экономическую политику, направленную на преобразование хозяйственных порядков. Использование концепта коллективного нарратива логично подводит к исследованию идеологии и ее роли в экономической науке.

Идеология в экономической науке

В социальных науках, и в экономической в частности, идеологии посвящено множество работ. Наибольшее распространение изучение идеологии получило в политологии, что, безусловно, отражает связь идей с различными системами власти. Но в данной работе осуществляется попытка рассмотреть идеологию с точки зрения экономистов. Концепт идеологии рассматривается, прежде всего, в плане его влияния на теорию и методологию экономической науки. Еще очень важно подчеркнуть, что особенности влияния идеологии тесно связаны с теоретическими нарративами, которые циркулируют в среде экономистов в составе различных научных школ.

После Второй мировой войны в 1948 г., когда начало формироваться неоклассическое направление в экономической науке и стали широко применяться математические методы для моделирования процессов и явлений, Й. Шумпетер как президент Американской экономической ассоциации выступил с докладом, который был посвящен идеологии (Schumpeter, 1949). Его обращение к идеологии было неслучайным. Экономическая наука все больше тяготела к моделированию по образу естественных наук. Однако специфика ее предмета и взаимозависимость между экономическими процессами и институциональной, социально-политической средой не позволяли игнорировать роль идеологии. Отношение к идеологии у Й. Шумпетера было двойным. С одной стороны, он рассматривал идеологию скорее в негативном ключе, однако признавал, что элиминировать ее влияние в экономической науке невозможно: «Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно. Благодаря ему мы получаем новый материал для наших научных начинаний и то, что мы формулируем, защищаем, критикуем. Наш арсенал фактов и инструментов расширяется и обновляется в этом процессе. Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись» (Шумпетер, 2012: 264).

Развивая подход Й. Шумпетера, можно прийти к выводу о неустранимости идеологической составляющей в экономической науке и о ее подчас негативном влиянии на исследования. То есть основная проблема заключается в балансе между наукой, теорией и идеологией.

В данной работе предпринимается попытка сформулировать рабочее определение идеологии, которое можно использовать для анализа идеологической составляющей экономической науки. И здесь очень хорошо вписывается подход Т. Пикетти к определению идеологии. Именно у Т. Пикетти мы находим взвешенный и конструктивный подход к исследованию идеологии в контексте объяснения важнейших для современного общества проблем: «Я использую слово “идеология” в позитивном и конструктивном смысле для обозначения набора априорно правдоподобных идей и дискурсов, описывающих, как должно быть структурировано общество. Идеология имеет социальное, экономическое и политическое измерения. Это попытка ответить на широкий круг вопросов, касающихся желательной или идеальной организации общества» (Piketty, 2020: 10–11). В экономической науке теории, объясняющие принципы структурирования общества, также содержат базовые идеологические элементы, которые обусловлены ментальными моделями, используемыми экономистами.

В рамках новой институциональной экономической теории идеология рассматривается чаще всего в направлении, заданном работами Дугласа Норта. Его определение идеологии, например, как и определение институтов, отличается лаконичностью и четкой логикой объяснения социальных взаимодействий и экономического поведения: «Идеология – это имеющиеся у групп индивидов общие рамки ментальных моделей, которые обеспечивают как интерпретацию окружающей среды, так и предписания относительно того, как эта среда должна быть упорядочена» (North, 1994: 363). В данном определении для нас важны три момента: во-первых, ментальные модели, которые связаны с фундаментальными когнитивными процессами у индивидов; во-вторых, у групп индивидов (относительно экономической науки – представителей той или иной научной школы) имеются общие рамки ментальных моделей; в-третьих, с помощью ментальных моделей индивиды интерпретируют окружающую среду (позитивные суждения), а также создают предписания по ее изменению (нормативные суждения).

Если рассматривать подход Д. Норта по отношению не просто к идеологии, а к идеологии в рамках научного сообщества экономистов, то можно прийти к выводу, что определение идеологической окрашенности теорий и рекомендаций по проведению экономической политики должно опираться на выявление общих рамок ментальных моделей у явно или неявно организованных групп ученых. И здесь возникает вопрос о возможности и инструментах изучения самих ментальных моделей.

Норт различает ментальные модели и институты: «Между ментальными моделями и институтами существует тесная взаимосвязь. Ментальные модели – это внутренние представления, создаваемые индивидуальными когнитивными системами для интерпретации окружающей среды; институты – это внешние (по отношению к разуму) механизмы, создаваемые людьми для структурирования и упорядочения окружающей среды» (North, 1994: 363). И если рассматривать ментальные модели только как «внутренние представления, создаваемые индивидуальными когнитивными системами для интерпретации окружающей среды», возникает проблема исследования и сравнения разных ментальных моделей. Ментальные модели связаны, прежде всего, с субъективным опытом, и благодаря этому опыту индивиды не только интерпретируют «объективную реальность», но и взаимодействуют с ней: «Индивид в своем субъективном мире осмысливает не окружающую среду, а свое взаимодействие с ней исходя из собственных целей, намерений, прошлого опыта, предыдущих успехов и потерь и т.д.» (Alexandrov et al., 2017: 397). Поэтому для исследования ментальных моделей необходимы данные, предполагающие их интерпретацию индивидами. Это данные особого рода, а именно: идеи, выраженные с помощью языка и содержащиеся в дискурсах и нарративах акторов: «Слова, используемые для передачи идей ментальной модели, используются многократно, поскольку сторонники обсуждают свои идеи между собой как устно, так и письменно. В результате ментальные модели двух людей должны стать схожими... Ментальные модели передаются посредством коммуникации, а коммуникация позволяет создавать идеологии и институты в процессе совместной эволюции» (Denzaу

and North, 1994: 20). По отношению к экономической науке такими данными будут научные (теоретические, аналитические) нарративы, которые используют ученые в своей коммуникации и попытках объяснения и преобразования экономической среды.

Проблематике ментальных моделей уделяется значительное внимание в рамках новой институциональной экономики. Фактически продолжается и уточняется подход Д. Норта. Например, у известного представителя неонституционализма Т. Эггертссона мы находим использование концепта ментальных моделей в контексте экономического выбора в условиях неопределенности и ограниченной рациональности акторов: «Имея дело с социальными системами или физическим миром, акторы обычно не в полной мере понимают соответствующие причинно-следственные связи и могут даже не знать о всех возможных вариантах выбора... акторы в своих размышлениях полагаются на простые и неполные (ментальные) модели их физической и социальной среды, но затем действуют рационально, с их собственной точки зрения» (Эггертссон, 2022: 61–62). Давая определение ментальной модели, Эггертссон цитирует В. Ванберга: «В сложном мире акторы “не реагируют – и не могут этого делать – на всю сложность каждой и всякой проблемной ситуации, с которой они сталкиваются. Вместо этого они полагаются на упрощенные ментальные модели, которые отражают прошлый опыт и приспосабливаются к новому опыту”» (Vanberg, 1998: 432; цит. по: Эггертссон, 2022: 193).

В психологии и управленческих науках концепт ментальных моделей также получил распространение в следующей трактовке: «Ментальные модели – это личные, внутренние представления внешней реальности, которые люди используют для взаимодействия с окружающим миром. Они создаются людьми на основе их уникального жизненного опыта, восприятия и понимания мира» (Jones et al., 2011). Такое понимание ментальных моделей согласуется с определением К. Крейка 1943 г. (Craik, 1943), «который предположил, что люди используют в своих мыслительных процессах уменьшенную модель того, как устроен мир. Эти модели используются для прогнозирования событий, выявления их причин и объяснений» (Jones et al., 2011). Ментальные модели могут быть связаны как с краткосрочной, так и долгосрочной памятью. Также важно учитывать тот факт, что ментальные модели рассматриваются как личностные и как коллективные (командные, групповые). Также коллективные ментальные модели могут изучаться в контексте культуры: «Культурная модель рассматривается в том же свете, что и коллективная ментальная модель и общая ментальная модель, поскольку все они относятся к определенной степени общего понимания среди людей в группе» (Jones et al., 2011).

С помощью ментальных моделей акторы не только интерпретируют «объективную действительность», но и достраивают в своем сознании ее недостающие элементы: «Укоренившаяся в человеке система ментальных моделей настолько сильна, что в случае фрагментарности наблюдаемого явления она стремится ее устранять и рисует в сознании человека целостную картину наблюдаемого фрагмента мира» (Дрогобыцкий, 2019: 10).

Анализ ментальных моделей в ряде исследований связан с проблемой нарративов, например, в сфере экологии: «Существует множество неотвеченных вопросов и важных проблем, которые необходимо решить, чтобы улучшить нашу коллективную способность выявлять и анализировать ментальные модели в контексте взаимодействия человека и окружающей среды... Было бы полезно изучить подходы, которые анализируют нарратив человека о его опыте, включая его описания ситуаций, в которых этот опыт имел место» (Lynam et al., 2012).

В социальных науках исследованию идеологических нарративов посвящено много работ. Особенно распространен дискурс о важности языка и идеологических нарративов в рамках политической науки. Сами идеи посредством бриколажа различного исторического и теоретического материала становятся значимыми факторами социально-политической реальности (Özkula, 2021). Идеологический нарратив, в свою очередь, представляет собой форму продвижения различных идей.

Идеи лучше воздействуют на аудиторию, если они «упакованы» в хороший нарратив. Например, в известной книге Д. Аджемоглу и С. Джонсона авторы неоднократно подчеркивают, что проведение экономической и финансовой политики тесно связано с доминирующими нарративами: «Разумеется, определение повестки тесно сплетено с идеями. Если у вас есть привле-

кательная идея, вам с большей вероятностью удастся определять повестку, а чем успешнее вы определяете повестку, тем мощнее и привлекательнее звучат ваши идеи. Восхваление крупного капитала обрело такую силу именно потому, что банкиры – и те, кто был с ними согласен, – получили возможность формулировать нарратив, задавать вопросы и интерпретировать факты» (Аджемоглу, Джонсон, 2024: 104).

Создание и распространение в обществе идеологического нарратива связано с проблемой доминирующей идеологии. Через популярные идеологические нарративы осуществляется противодействие альтернативным идеям и идеологиям. Хорошим примером здесь может служить неолиберальная идеология: «Можно обратиться к характерному для неолиберализма отождествлению свободы и частной собственности. Пока люди обладают свободой покупать и продавать, идеология поддерживается, а за ней следует политическая свобода. Остаются скрытыми навязываемые этой идеологией методы проведения политики, превращающей человека в “предпринимателя”, лично ответственного за ведение переговоров во все более нестабильной экономической среде, создаваемой неолиберализмом. Тем самым утверждается новая истина – тождество политической свободы с частной собственностью... Идеология служит для того, чтобы отвлечь внимание от оспаривания доминирующего нарратива, делая немислимыми альтернативные нарративы» (Anastassov, 2018: xviii).

Морис Альтман рассматривает ментальную модель как основу не только мыслительного процесса, но и экономического выбора как в классическом понимании, так и в институциональном, когда объектом выбора могут быть нормы, правила и институты. Он приводит два примера, когда ментальная модель становится частью теоретического нарратива. Один пример – это работы Д. Нортона и А. Дензау, а второй – работа Дж.М. Кейнса. Согласно М. Альтману: «На поведение при [экономическом] выборе влияют ментальные модели, которые человек выбирает явно или неявно, и связанные с этим разнообразные издержки и выгоды от выбора одной модели вместо другой. Перенимаемая человеком ментальная модель может быть как истинной, так и ложной» (Altman, 2023: 1242). Фактически у М. Альтмана мы находим понимание ментальной модели, близкое к представлению о когнитивной рамке для интерпретации поступающей информации (Altman, 2023: 1245).

Идеология в экономической науке довольно часто ассоциируется с тем или иным теоретическим течением или научной школой. Такой подход хоть и имеет право на существование (Samuels, 1992), но связан с большим дроблением идеологий в зависимости от идеологической окраски теорий той или иной научной школы. Например, в рамках современной экономической теории выделяют более 20 различных институционализмов (Тамбовцев, 2021).

Идеология присутствует в теоретическом багаже как ортодоксальной, так и гетеродоксальной экономической теории. И если представители ортодоксальной экономической теории или мейнстрима чаще всего отрицают свою идеологизированность, то представители гетеродоксальных теорий признают, что идеология оказывает влияние на теорию, например, в рамках политэкономии социализма с китайской спецификой (Кирдина-Чэндлер, 2022).

Исследование, построенное на интервьюировании гетеродоксальных экономистов, выявило, что существует общая проблема исследования власти, которая является общей темой у всех интервьюируемых. По мнению гетеродоксальных экономистов, проблема власти не связана с какой-то одной идеологической позицией (Mearman et al., 2023: 1126).

Идеология включает систематизированные ментальные модели (системы идей), посредством которых акторы взаимодействуют с окружающим миром. Систематизация ментальных моделей есть следствие коллективных действий, поскольку идеологии формируются, когда схожие ментальные модели становятся объединяющим фактором для групп, в различной степени организованных.

Таким образом, можно предложить следующую трактовку идеологии, учитывая предыдущий анализ, связанный с осмыслением существующей и желаемой организации общества с учетом понятия ментальных моделей. Идеология – это общие ментальные модели, разделяемые группами индивидов. С помощью этих моделей группы индивидов объясняют предполагаемые и реальные связи между средствами и результатами проводимой политики, направленной на преобразование общества. Ключевое значение имеют группы индивидов (научные школы, политические организации) и их действия по установлению и продвижению предполагаемой или реальной связи между средствами и результатами.

Идеологические и теоретические нарративы в российской экономической науке

Идеологические нарративы чаще всего распространяются в научной среде в неявной форме. Это связано, прежде всего, с тем, что в среде ученых укоренилось предубеждение о противостоянии и противоположности идеологии и науки. В основном представители научного сообщества убеждены, что чем больше идеологии в исследованиях обществоведов, тем меньше в них научности.

В работах философов науки можно встретить утверждения о том, что идеология не является наукой, но научные дисциплины и, следовательно, учебники от «Политической экономии социализма» до «Экономикс» крайне идеологизированы (Егоров, 2023). Значит ли это, что советская марксистская политическая экономия и современная неоклассика ненаучны? Ответ зависит от идеологических ментальных моделей, которые присущи тому или иному ученому. Идеология является неотъемлемым элементом теорий и моделей в социальных науках. И выявление идеологических оснований той или иной теории позволяет лучше понимать не только основания и истоки научных построений, но и их последствия реализации соответствующей политики.

Исходя из нашего понимания и определения идеологии ключевыми элементами для ее исследования являются ментальные модели, язык, система идей, а также нарративы. Истории, которые являются формами трансляции системы идей по отношению к идеологии, выступают как коллективные нарративы. Нарративы в экономической науке отличаются от традиционных литературных и являются научными или теоретическими нарративами.

Российские экономисты, говоря об идеологии, рассматривают ментальные модели и научные нарративы, которые глубоко укоренились в мировой экономической науке. Показательным здесь может быть подход академика В.М. Полтеровича к определению связи между идеологией и проведением экономической политики в плане разработки стратегий экономического развития. Развивая свою концепцию, он отмечает несоответствие между идеологиями и необходимыми для поступательного экономического развития мерами политики: «Стратегии социально-экономического развития в “догоняющих” странах разрабатываются на основе доминирующих в обществе идеологий и, как правило, терпят неудачу» (Полтерович, 2017: 55). И здесь мы можем найти параллель с научным нарративом Дж.М. Кейнса: «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности, только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» (Кейнс, 2007: 340). Если принять во внимание другое высказывание В.М. Полтеровича о доминирующей идеологии, то связь с высказыванием Дж.М. Кейнса становится более очевидной: «Важнейшее обстоятельство заключается в том, что доминирующая идеология, как правило, отстаёт от взглядов, соответствующих современному ей научному знанию» (Полтерович, 2017: 60). Обобщая, можно сказать, что экономисты-практики, которые разрабатывают реформы, опираются на ментальные модели, основанные на теориях и идеологиях экономистов прошлого, которые могут быть нерелевантны или релевантны поставленным целям и вызовам современности. Можно ли считать такую точку зрения обоснованной? Безусловно, да, но необходимо учитывать тот факт, что в случае успеха стратегий развития и реализуемых реформ идеологическая составляющая также никуда не исчезает. Просто в случае успеха реформ используемые реформаторами ментальные модели и идеология более релевантны.

Очень важно, что исследования идеологии в экономической науке затрагивают межстрановые и национальные особенности идеологизированности теории: «Границы водораздела между экономической теорией и экономической идеологией в разных странах выглядят по-разному. Предпочтения, диктуемые официальной экономической идеологией, безусловно, находят отражение в экономической теории, в то время как формы этого отражения зависят от национальных традиций и национальной культуры» (Клейнер, 2023: 5). Поэтому особенности исторической эволюции и настоящего развития национальных экономических школ необходимо рассматривать в их связи с доминирующими идеологиями.

Идеология в социальных науках, и в экономической в частности, может рассматриваться как форма мировоззрения, с помощью которой научное сообщество защищает свой научный суверенитет. Под научным суверенитетом понимается в этом контексте возможность организован-

ными группами самостоятельно формировать научную повестку и направления исследований. Научный суверенитет важен именно в плане сохранения возможности выбора при создании и продвижении научной повестки в сообществе ученых. Для социальных наук научный суверенитет приобретает значительно большую значимость, чем для наук естественных, поскольку социальные науки значительно больше связаны с осмыслением исторического, культурного, институционального наследия, которое связано с национальной спецификой. В российской экономической науке все больше распространяется понимание важности исследования специфики национальных экономических институтов (Верников, Курьшева, 2024).

Большое внимание при исследовании идеологии уделяется ее связи не только с теорией, но и с экономическими интересами: «и в “западном мире”, и в КНР, и в России (периода СССР) взаимосвязи между развитием экономической теории, идеологии и национальными экономическими интересами имеют идентичный характер. Это позволяет предположить, что эти связи скорее закономерны, чем специфичны (специфика состоит лишь в силе и остроте проявления этих связей). Можно говорить о следующих закономерностях. Во-первых, фактором успешного распространения экономических концепций является их релевантность институционально-групповому дискурсу и запросам социетального уровня. Во-вторых, фактором успеха является также соответствие этих концепций идеологическим представлениям, доминирующим на каждом из этих уровней» (Кирдина-Чэндлер, 2022: 87).

Исследования, в которых в явной форме присутствует концепт идеологии, часто являются междисциплинарными. Междисциплинарность в данном контексте в случае экономики прежде всего связана с интеграцией теорий и методов с политической наукой и социологией. Поэтому для экономической науки актуальной остается проблематика идеологического плюрализма, согласно исследованиям политологов отражающая реалии российского социума (Черных, 2023: 30).

Российские экономисты подчеркивают важную роль идеологии – ее связь с базовыми элементами экономического мышления, с теоретическими концепциями, когнитивными процессами, что выражается в воздействии на практические решения в реальной экономике и экономической политике: «...задача экономической науки по отношению к хозяйственной практике состоит в том, чтобы объяснять неэкономистам происходящие на предприятии, в стране, в мире процессы и изменения. Здесь используется и внедряется язык экономического мышления, распространяется экономическая идеология, выявляются люди, способные реализовать и донести эту идеологию, рассматриваются варианты решений и их экономические последствия» (Львов, Клейнер, 1998: 10).

Многие российские экономисты рассматривают идеологию как значимый элемент при проведении социально-экономической политики и объяснении ее результатов (Макаров и др., 2019). Поэтому важно исследовать идеологические основания той или иной экономической концепции или теории, тем более если такая теория выступает интеллектуальной основой для разработки мер регулирования экономики.

Заключение

Экономическая теория подвержена влиянию идеологий. Это влияние осуществляется через различные когнитивные системы, формы мышления и фундаментальные парадигмы, которые приносят в теорию различного рода идеологические паттерны (Samuels, 1992: 239–240).

И если мы принимаем за отправной момент утверждение, что идеология как отражение восприятия окружающего мира явно или неявно присутствует в теориях и моделях экономистов, то необходимо уделять внимание позитивной и нормативной оценке роли идеологии. Такое явное признание роли идеологии в экономической теории является лишь одной из специфических особенностей общественных наук.

Важность идеологии для развития социальных порядков заключается, прежде всего, в том, что ее можно рассматривать как одну из трех типов власти наряду с экономической и политической (Норт и др., 2011: 116). Идеология может оказывать сильное влияние на осмысление индивидуального и коллективного (исторического) прошлого опыта через формирование познавательных паттернов, связанных с субъективным восприятием социальной действительности.

И для экономической науки важно в явной форме учитывать, какие теории и в какой степени подвержены влиянию той или иной идеологии для того, чтобы критически оценивать их влияние на проводимую экономическую политику и развитие институтов с учетом национальной специфики и исторической траектории.

Исходя из понимания эволюции российской экономической науки на протяжении постсоветского периода можно выдвинуть гипотезу о существовании нескольких крупных идеологических нарративов. К таким идеологическим нарративам относятся: неолиберальный, социалистический, дирижистский, особого пути и экологический.

Исследование идеологий в экономической науке может проводиться в рамках одного из направлений нарративной экономики. Для этого необходимо в явной форме выделить смысловое ядро каждой из значимых современных идеологий в экономической науке и определить связи теоретических нарративов с той или иной идеологией. В дальнейшем для анализа идеологий и теоретических нарративов можно использовать методы машинного обучения и компьютерного анализа научных текстов.

Литература / References

- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). *Власть и прогресс*. М.: АСТ. [Acemoglu, D., Johnson, S. (2023). *Power and Progress*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Верников, А.В., Курьшева, А.А. (2024). Правда ли, что национальные экономические традиции тормозят развитие? (Институциональный подход). *Экономическое возрождение России* (2), 122–140. [Vernikov, A., Kuryshcheva, A. (2024). Is it true that national economic traditions hinder development? (Institutional approach). *Economic Revival of Russia* (2), 122–140 (in Russian)]. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140
- Вольчик В.В. (2017). Нарративная и институциональная экономика. *Journal of Institutional Studies* 9(4), 132–143. [Volchik, V. (2017). Narrative and institutional economics. *Journal of Institutional Studies* 9(4), 132–143 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.132-143
- Вольчик В.В. (2022). К вопросу о теории и методологии нарративной экономики. *Вопросы теоретической экономики* (3), 31–46. [Volchik, V. (2022). To the issue of the theory and methodology of narrative economics. *Issues of Economic Theory* (3), 31–46 (in Russian)]. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46
- Дрогобыцкий И.Н. (2019). Ментальные модели в экономике. *Экономическая наука современной России* (1), 7–16. [Drogobytskyi, I. (2019). Mental models in economics. *Economics of Contemporary Russia* (1), 7–16 (in Russian)].
- Егоров Д.Г. (2023). Почему погиб СССР (о ценностных основаниях идеологий). *Общество и экономика* (12), 87–104. [Egorov, D. (2023). Why the USSR collapsed (On the value foundations of ideologies). *Society and Economics* (12), 87–104 (in Russian)].
- Кейнс Дж. (2007). *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Эксмо. [Keynes, J. (2007). *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. Moscow: Eksmo Publ. (in Russian)].
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2022). Экономическая теория, идеология и экономический интерес. *AlterEconomics* 19(1), 71–92. [Kirdina-Chandler, S. (2022). Economic theory, ideology, and economic interests. *AlterEconomics* 19(1), 71–92 (in Russian)]. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5
- Клейнер Г.Б. (2023). Расширяющаяся вселенная экономической теории. *AlterEconomics* 20(1), 1–8. [Kleiner, G. (2023). Expanding universe of economic theory. *AlterEconomics* 20(1), 1–8 (in Russian)]. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.1
- Львов Д.С., Клейнер Г.Б. (1998). Экономическая теория и хозяйственная практика: смертельные объятия или взаимная поддержка? Экономическая теория и реформы. Материалы расширенного заседания Бюро Отделения экономики РАН 21 октября 1998 г. *Экономическая наука современной России* (Приложение), 6–22. [Lvov, D., Kleiner, G. (1998). Economic theory and business practice: Deadly embrace or mutual support? Economic theory and reforms. Proceedings of the extended meeting of the Bureau of the Division of Economics of the Russian Academy of Sciences, October 21, 1998. *Economic Science of Contemporary Russia* (Supplement), 6–22. (in Russian)].

- ings of the extended meeting of the Bureau of the Economics Department RAS, October 21, 1998. *Economic Science of Contemporary Russia* (Supplement), 6–22 (in Russian)].
- Макаров В.Л., Гребенников В.Г., Дементьев В.Е., Устюжанина Е.В. (2019). Идеология и наука (по материалам обсуждения в ЦЭМИ РАН). *Российский экономический журнал* (4), 55–69. [Makarov, V., Grebennikov, V., Dementyev, V., Ustyuzhanina, E. (2019). Ideology and Science (based on the discussion in CEMI RAS). *Russian Economic Journal* (4), 55–69 (in Russian)]. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-4-55-68
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара. [North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии. *Вопросы теоретической экономики* (1), 55–65. [Polterovich, V. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: Science vs. ideology. *Issues of Economic Theory* (1), 55–65 (in Russian)].
- Смит А. (1962). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Изд-во социально-экономической литературы. [Smith, A. (1962). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature (in Russian)].
- Тамбовцев В.Л. (2020). Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности. *Вопросы экономики* (4), 5–30. [Tambovtsev, V. (2020). Narrative analysis in economics as climbing complexity. *Voprosy Ekonomiki* (4), 5–30 (in Russian)].
- Тамбовцев В.Л. (2021). Институционализмы в экономической науке: что стоит за их разнообразием? *Journal of Institutional Studies* **13**(1), 20–36. [Tambovtsev, V. (2021). Institutionalisms in economics: What are behinds their variety? *Journal of Institutional Studies* **13**(1), 20–36 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.020-036
- Черных С.И. (2023). Методы «мягкой силы» в политике и экономике. *Общество и экономика* (1), 27–36. [Chernykh, S. (2023). Soft power methods in politics and economics. *Society and Economics* (1), 27–36 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S020736760023987-4
- Шумпетер Й. (2012). *Наука и идеология. Антология*. М.: Изд. Института Гайдара. [Schumpeter, J. (2012). *Science and Ideology*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute (in Russian)].
- Эггертссон Т. (2022). *Несовершенные институты. Возможности и границы реформ*. М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. [Eggertsson, T. (2022). *Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; St.Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences, St.Petersburg State University (in Russian)].
- Alexandrov, Y., Krylov, A., Arutyunova, K. (2017). Activity during learning and the nonlinear differentiation of experience. *Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences* **21**(4), 391–406.
- Aliu, F. (2024). Do infectious diseases explain bitcoin price fluctuations? *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money* **93**, 102011. DOI: 10.1016/J.INTFIN.2024.102011
- Altman, M. (2023). Mental models, decision-making, bargaining power, and institutional change. *Journal of Economic Issues* **57**(4), 1241–1259. DOI: 10.1080/00213624.2023.2273149
- Anastassov, V. (2018). *Power and Truth in Political Discourse: Language and Ideological Narratives*. Cambridge Scholars Publishing.
- Craik, K. (1943). *The Nature of Explanation*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- de Vries, P. (2023). *New Institutional Economics as Situational Logic: A Phenomenological Perspective*. Routledge. DOI: 10.4324/9781315764221
- Denzau, A., North, D. (1994). Shared mental models: Ideologies and institutions. *Kyklos* **47**, 3–31.

- Hodgson, G. (2019). Chapter 6: Some possible ways forward. In: *Is There a Future for Heterodox Economics?* Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, pp. 154–175. DOI: 10.4337/9781789901597.00011
- Hoover, K. (2003). *Economics as Ideology: Keynes, Laski, Hayek, and the Creation of Contemporary Politics*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Jones, N., Ross, H., Lynam, T., Perez, P., Leitch, A. (2011). Mental models: An interdisciplinary synthesis of theory and methods. *Ecology and Society* **16**(1). DOI: 10.5751/ES-03802-160146
- Lee, F. (2005). Grounded theory and heterodox economics. *Grounded Theory Review* **4**(2), 95–116.
- Lynam, T., Mathevet, R., Etienne, M. et al. (2012). Waypoints on a journey of discovery: Mental models in human- environment interactions. *Ecology and Society* **17**(3). DOI: 10.5751/ES-05118-170323
- Mazzotta, S. (2024). Immigration narrative and home prices. *Journal of Behavioral and Experimental Finance* **43**, 100959. DOI: 10.1016/J.JBEF.2024.100959
- Mearman, A., Berger, S., Guizzo, D. (2023). What is heterodox economics? Insights from interviews with leading thinkers. *Journal of Economic Issues* **57**(4), 1119–1141. DOI: 10.1080/00213624.2023.2273130
- North, D. (1994). Economic performance through time. *American Economic Review* **84**(3), 359–68.
- Özkula, S. (2021). The problem of history in digital activism: Ideological narratives in digital activism literature. *First Monday* **26**(8). DOI: 10.5210/fm.v26i8.10597
- Piketty, T. (2020). *Capital and Ideology*. Harvard University Press.
- Roos, M., Reccius, M. (2024). Narratives in economics. *Journal of Economic Surveys* **38**(2), 303–341. DOI: 10.1111/JOES.12576
- Samuels, W. (1992). Ideology in economics. In: *Essays on the Methodology and Discourse of Economics*. London: Palgrave Macmillan, pp. 233–248. DOI: 10.1007/978-1-349-12371-1_12
- Schumpeter, J. (1949). Science and ideology. *American Economic Review* **39**(2), 345–359.
- Shiller, R. (2017). Narrative Economics. *American Economic Review* **107**(4), 967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967
- Shiller, R. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling* **41**(3), 477–488. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015
- Shiller, R. (2020). Popular economic narratives advancing the longest U.S. economic expansion 2009–2019. *Journal of Policy Modeling* **42**(4), 791–798. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2020.03.005
- Steels, L. (2022). Towards meaningful human-centric AI. In: Steels, L. (ed.) *Foundations for Meaning and Understanding in Human-Centric AI*. Venice: Venice International University, pp. 5–28.
- Vanberg, V. (1998). Rule following. In: Davis, J., Hands, W., Maki, U. (eds.) *The Handbook of Economic Methodology*. Cheltenham: Elgar, pp. 432–435.
- Zak, P. (2015). *Why inspiring stories make us react: The neuroscience of narrative*. Cerebrum: The Dana Forum on Brain Science, № 2.
- Zheng, T., Fan, X., Jin, W., Fang, K. (2024). Words or numbers? Macroeconomic nowcasting with textual and macroeconomic data. *International Journal of Forecasting* **40**(2), 746–761. DOI: 10.1016/J.IJFORECAST.2023.05.006